

ЧУВСТВО ВИНЫ И ПОБЕДНОЕ ПРЕВОСХОДСТВО: ВЕНГРИЯ И ЮГОСЛАВИЯ 1945-1947

Еникё Шайти ✓

(Sajti Enikő, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Újkori Egyetemes Történeti és Mediterrán Tanulmányok Tanszék, H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Министр иностранных дел Австро-Венгерской монархии Густав Калноки (Kálnoky Gusztáv) однажды сделал в связи с сутью внешней политики замечание, которое остается актуальным и поныне. Он писал: *“свобода внешнеполитических решений зависит от силы внутренней власти.”*¹

В конце 1944 года Венгрия и Югославия не были в одинаковом положении ни в отношении „внутренней власти”, ни в отношении свободы внешнеполитических решений. Военный крах означал для Венгрии не только банкротство пути „великой Венгрии” и крушение успехов ревизии, но также тяжело отразился на отношениях с соседними странами, в том числе и с Югославией. Пользуясь словами министра иностранных дел Яноша Дёндёши (Gyöngyösi János): Венгрия в глазах соседей все больше становилась *„шипом в теле восточно-европейских демократий”*, который можно было удалить только *„ведя последовательную борьбу с реакцией.”*²

В то время как побежденную Венгрию усадили на скамью подсудимых и великие державы вновь сформулировали для нее существующую с 1918 года проблему дисгармонии между интересами нации и государства (около 3-х миллионов представителей венгерской нации снова оказались за пределами страны), Югославия триумфально заняла свое место на стороне победителей и успешно объединила раздробленную в 1941 году страну. Это признанное международным сообществом восстановление государства эффективно служило легитимации внутренней власти новой коммунистической элиты и к тому времени уже несомненное коммунистического общественного устройства.

Лучшим подтверждением различий международного статуса двух государств служит тот факт, что с 1945 по 1947 год Венгрия являлась оккупированным государством, находилась под международным контролем, который осуществляла Союзная Контрольная Комиссия (СКК). Наряду с СССР, Великобританией и США, Югославия и Чехословакия как

¹ Diószegi István: Внешняя политика Австро-Венгерской монархии 1867-1918. (Az Osztrák-Magyar Monarchia külpolitikája) 1867-1918. Vince Kiadó, Budapest, 2001. 9.

² Венгерский государственный архив (Magyar Országos Levéltár) (MOL) Документы министра и замминистра иностранных дел 1945-1989. (KÜM Miniszteri és miniszterhelyettesi iratok 1945-1989.) . XIX-J-1-n-Gyöngyösi János -1947-25.d., XIX-J-1-Z- Rejijeltáviratok 1949-1964. Белград. Входящие. Телеграмма Золтана Санто от 9 октября 1947 г (Belgrád. . Bejövő. Szántó Zoltán 1947. október 9-ei távirata.)

члены подкомиссии по репарациям при СКК официально могли посылать свои миссии в Венгрию. СКК полностью контролировала внутреннюю и внешнюю политику Венгрии, ее железные дороги, воздушное пространство и экономику. В этой ситуации подчинения-управления, проигравшего-победителя начали складываться послевоенные венгерско-югославские отношения.

Первые члены югославской делегации прибыли в Будапешт 10 марта 1945 года, вскоре состав делегации дошел до 20 членов. (Для сравнения: в состав советской делегации входило 800 человек, британской – 300, США – 130, а состав чехословацкой делегации в конце был доведен до 90 членов. Расходы как по содержанию советских оккупационных войск, так и делегаций СКК ложились на венгерское государство.³) Как известно, руководил югославской делегацией полковник Обрад Цицил, среди членов можно было найти Лазара Бранкова, который позднее сыграл важную роль в процессе Райка. В отсутствие официальных дипломатических отношений, помимо своих основных функций югославская миссия СКК обеспечивала связь между Будапештом и Белградом, и через сложившиеся отношения между двумя коммунистическими партиями она играла важную роль в обеспечении потока информации между двумя странами. Однако эти отношения были достаточно односторонними, хотя бы потому, что у Венгрии не было никакого представительства в Белграде.

На отношения между двумя странами, как известно, с самого начала накладывали свой отпечаток события недавнего прошлого и в первую очередь присоединение к Венгрии части сербской Воеводины. После расправ в южной части района Бачка и Воеводине 1942 года отношения между двумя странами окончательно обострились, влияние на венгров в Югославии было просто трагическим. Поступало все больше сообщений о репрессиях в отношении венгров в Воеводине, о казнях, выселениях, лишении их имущества и трудовых лагерях. На известия о репрессиях, полученные летом 1946 года министерством иностранных дел через администрацию премьер-министра (речь идет об анонимных сообщениях „Судьба венгров на южных территориях”, и „Истинное освещение положения живущих в Югославии венгров”, в которых говорилось о казни 50 тысяч и депортации 30 тысяч венгров, отдельно о казнях венгров в Бездане, депортации венгерского населения из сел Чурог и Забалля, о трагической судьбе бывшего губернатора Суботицы Андора Реёк (Reök Andor), о венграх, приговоренных к смерти за саботаж в шахте Врднике, о пресловутом „невольничьем рынке” и других репрессиях по отношению к

³ Подробно деятельностью СКК в Венгрии занимается Маргит Фёлдеши (Földesi Margit) в книге: Свобода оккупантов: о военной добыче, о контрибуции, Союзная Контрольная Комиссия в Венгрии. (*A megszállók szabadsága: a hadizsákmányról, a jóvátételről, a Szövetséges Ellenőrző Bizottságról Magyarországon*). KAIROSZ Kiadó, Budapest, 2002.

венграм), министерство иностранных дел в общем реагировало так, что сообщения содержат „огромное количество ошибочных данных”, говорить о казни 40-50 тысяч и депортации 30 тысяч „полный абсурд”. „Подводя итог, – завершает свое письмо премьер-министру в связи с этим южнославянский референт министерства иностранных дел Йожеф Рекс (Rex József), ставший затем секретарем посольства в Белграде, – положение венгров в Югославии не блестящее, но надо учитывать, что могло быть гораздо хуже.”⁴ Мои новые исследования не изменили мои прежние выводы о том, что венгерское правительство не выражало в связи с казнями протесты ни СКК, ни югославской делегации. Появились однако источники, свидетельствующие о том, что казнями интересовались англичане и американцы. В ходе этих бесед представители министерства иностранных дел в первую очередь подчеркивали, что не существует „официальных данных” о казнях, хотя им об этом известно, однако известия об этом весьма недостоверны и не проверены. В июне 1945 года руководитель по вопросам экономики югославской делегации Гаврилович в ходе беседы, проходившей в „дружеской обстановке”, прямо заверил венгерское правительство в том, что „никакого преследования венгров в области Бачка нет и никогда не было. Всего в двух селах Чурог и Жабья было массовое выселение венгров, однако в их же интересах, в связи с известными событиями в Воеводине. Венгров направили в оставленные швабами Западную-Бачка, Ходшаг и т.п. В Обиче действительно были заседания народных судов и выносились смертные приговоры, но только в случаях, когда было доказано участие в грабежах, убийствах или в событиях в Воеводине.” Гаврилович также добавил: „венграм сильно повезло, что к власти пришел Тито, иначе последствия и месть за события в Воеводине были бы ужасны. Судьба венгров в общем достаточно хороша...”⁵ Наши источники этим доказывают, что венгерское правительство через СКК во многих случаях выражало протест правительству Югославии в связи с *нечеловеческим способом* проведения кодифицированных соглашением о перемирии депортаций, которые затрагивали часть так называемых коренных жителей, а также в связи с нелегальным переселением немцев из Воеводины на венгерскую территорию.⁶ И в этом случае также претензии предъявлялись из-за жестокого обращения. Приведем несколько цитат. Например, в июне 1945 года примерно 3000 человек, в основном немцы, были вывезены в сопровождении 400 вооруженных партизан к границе в районе Келебиа. Командир партизан грозился, что если венгры их не пропустят, „их

⁴ MOL KÜM XIX-J-I-k-Jugoszlávia-16/b-1874/1946. 22.d.

⁵ Там же.

⁶ О протестах против депортации см. A. Sajti Enikő: Смена империй, ревизия, меньшинство. Венгры в Воеводине 1918-1947. (*Impériumváltások, revízió, kisebbség. Magyarok a Délvidéken 1918-1947.*) Napvilág Kiadó, Budapest, 2004. 334-335.

построят вдоль границы и расстреляют”.”⁷ 30 января 1946 года уездный начальник г. Надьканижа сообщал в министерство внутренних дел, что 16 дней назад югославы перевезли через венгерскую границу в вагонах в нечеловеческих условиях 4000 немцев, однако австрийские власти часть из них не приняли. Эти люди остались на пограничном пункте, *„среди перемещенных осталось уже только 1800 человек, многие из которых больны тифом и дизентерией. Дальнейшее их пребывание здесь грозит эпидемией всей стране.”*⁸ Согласно официальному протоколу, составленному на пограничном пункте недалеко от Надьсекшош 2 августа 1945 года, *„группа из примерно 150 партизан наставили на патруль автоматы и на обеих сторонах моста установили пулеметы. Находящиеся за спинами швабов партизаны угрожая оружием выгнали на венгерскую территорию группу из 157 швабов.”* Когда командир роты венгерских пограничников потребовал их возвращения в соответствии с приказом СКК, командир сербского отряда на это ответил, *„если потребуется, он вступит в бой, чтобы не допустить возвращения швабов, что русские ему не указ, потому что русские никто, ему приказывает только Тито, и если надо, они и русских прогонят за Тису.”* А в конце добавил: *„если много будете говорить, через полчаса мы будем в Рёске и через два часа граница (с боем) будет установлена по линии Сегед и Дунай-Тиса.”*⁹

Желание пересмотреть установленные трианонским договором границы, в которых, естественно под контролем СКК, можно было в соответствии с соглашением о перемирии восстановить венгерскую гражданскую администрацию, высказывалось не только цитированным воинственным югославским командиром роты. В области Бараня, Ваш, в Мохаче и Байе, практически по всей трианонской границе Венгрии, югославские партизаны ставили под сомнение легитимность венгерской администрации. Например, в районе Летенье вооруженные югославские лица *„с оружием ходили по домам и собирали подписи”* за присоединение территории к Югославии. Вице-губернатор области Зала обращается за помощью прямо к министру обороны, из-за того, что, как он пишет в письме от 11 мая 1945 года, в течение нескольких дней в районе нефтяных промыслов *„бесчинствует”* группа партизан в 68 человек, *„целыми днями занимаются грабежом, выпрягают лошадей из повозок...”* а венгерских полицейских *„связали и увезли с собой”*.¹⁰ В Байа, Чикерия, Томпа и Бачалмаше русские солдаты с оружием сдерживали *„беспокойных”* партизан и *„твердо возражали против того, чтобы югославы занимали территории внутри трианонских границ страны”* – читаем в одном из

⁷ MOL KÜM XIX-J-k-Jugoszlávia-17/d-31.390 -1945. 22.d.

⁸ MOL KÜM XIX-J-1-k-Jugoszlávia-16/d-225/pol.-1946. 22.d.

⁹ MOL KÜM XIX-J-1-k-Jug.-16/f-32.338/pol.-1945. 22. d.

¹⁰ MOL KÜM XIX-J-1-k-16/b.-30.013/pol.-1945. 22. d.

сообщений находящегося еще в Дебрецене временного правительства в январе 1945.¹¹

Официальная югославская пропаганда территориальных претензий начала действовать сразу же после освобождения Суботицы. Ораторы на праздновании освобождения югославами Суботицы 5 ноября 1944 года выразили поддержку созданию треугольника Байа, и в письме Тито выразили *„приверженность буневачев треугольника Байи общей родине“*. Вместе с тем была выражена надежда на то, что *„в отличие от исчезнувших преступных югославских правительств, Тито и его соратники не упустят возможность присоединить треугольник Байа.“*¹²

Югославские официальные круги еще долго угрожали территориальными претензиями в связи с треугольником Байа, и наряду с чувством вины за расправы в южной части района Бачка и Воеводине 1942 года, это также способствовало тому, что процессе подготовки мирного договора венгерское правительство не высказало в отношении Югославии никаких пожеланий. Вопрос территориальных претензий был снят с повестки дня во время последнего визита Тито в Москву 28 мая 1946 года. Во время переговоров Тито последовательно торопил советскую экономическую помощь и заверил Сталина в том, что *„югославское правительство не намерено допускать в свою экономику капитал других государств“*. В конце, как бы мимоходом, он проинформировал Сталина о венгерско-югославских отношениях. *„Тито заявил о том, что югославское правительство не будет ставить вопрос о территориальных претензиях (в связи с треугольником Байа) на совете министров.“* В связи с чем Сталин одобрительно заметил, *„если Венгрия стремится установить мирные отношения с Югославией, Югославии следует поощрять это стремление“*, тем более, напомнил Тито, что Югославия *„испытывает трудности в первую очередь в отношениях с Грецией и Италией.“*¹³

Если мы хотим найти ответ на законный, но далеко не простой вопрос о том, почему Венгрия, несмотря на упомянутые выше проблемы, из всех своих соседей именно с Югославией установила после войны самые лучшие отношения, а также почему Югославия приняла, более того инициировала дружеское сближение, нам придется учитывать следующие факторы. Во-первых, среди венгерских коалиционных партий сближение с Югославией считали важным в первую очередь коммунисты, так как они видели в этом внешнюю поддержку своих внутривластных позиций. Они считали внутренний порядок в Югославии примером для подражания, доходило до того, что государственный секретарь Министерства обороны

¹¹ MOL KÜM XIX-J-1-n-Gyöngyösi János – 1945. 23. d.

¹² Uo.

¹³ Mezei Géza (ред.): Распад Европы надвое и образование двухполярной международной системы (1945-1949). (*Európa kettészakítása és a kétpólusú nemzetközi rend születése (1945-1949).*) Új Mandátum Könyvkiadó, Budapest, 2001. 175-178.

весной 1946 года просил югославскую делегацию СКК прислать ему военный устав югославской армии, так как *„он может послужить основой для составления военного устава венгерской армии.“*¹⁴ А 10 – 15 октября 1947 года Югославию с целью изучения местных институтов государственной безопасности посетила делегация полицейских под руководством прославившегося во главе госбезопасности генерал-лейтенанта Габора Петера (Péter Gábor) и государственного секретаря внутренних дел Эндре Себени (Szebenyi Endre).¹⁵ (Имеет смысл в дальнейшем систематически рассмотреть также отношения по линии внутренних дел и обороны.)

В период соглашения о перемирии как страна с ограниченным суверенитетом Венгрия не могла инициировать официальное установление отношений ни с одной страной. За нее это сделали другие страны, в их числе Югославия. Югославская делегация СКК уже осенью 1945 года дала министру иностранных дел от Партии мелких хозяев Дёндёши (Gyöngyösi) твердое обещание, что если Венгрия поддержит требования Югославии по Триесту, югославское правительство будет поддерживать ее с одной стороны на мирных переговорах, с другой стороны в процессе подготовки мирного договора *„во всех вопросах, которые не противоречат интересам Югославии“*. Формирующееся в то время венгерское правительство несмотря на *„позорные и трагические события недавнего прошлого“* не получало таких заверений ни от кого другого.¹⁶ Казалось, что обещание югославов не было пустыми словами. Уже летом 1945 года, когда Ракоши (Rákosi) и Райк (Rajk) были в Белграде, они достигли соглашения о том, что югославское правительство будет оказывать умеренное давление на Прагу в связи с грубыми и нечеловеческими преследованиями венгров в Словакии, что оно во многих случаях и делало. Можно также указать на поддержку, оказанную Югославией в вопросе о принятии Венгрии в ООН.¹⁷

Очевидно, что Белграду не было безразлично, что на северных границах будет располагаться дружественное государство со сходным общественным строем, которое взамен будет поддерживать югославский наднациональный балканский проект.

Коммунистический поворот Венгрии с нарастанием холодной войны также становился все важнее для Югославии. Печатный орган ЮКП газета „Борба“ освещала прорыв венгерских коммунистов на выборах 1947 года

¹⁴ MOL KÜM XIX-J-1-k-16/f.-1012/pol.-1946. 22.d. Устав они так и не получили, со ссылкой на то, что он как раз разрабатывается.

¹⁵ MOL KÜM XIX-J-4/a.-Belgrád TÜK 85/biz. -1947.

¹⁶ MOL KÜM J-I-n-Gyöngyösi János-1947-25.d. Речь Дёндёши (Gyöngyösi) в парламенте в прениях о бюджете министерства иностранных дел, 20 марта 1947 г. (*Gyöngyösi beszéde a parlamentben, a külügyi tárca költségvetési vitájában, 1947. március 20.*)

¹⁷ MOL KÜM J-I-Z-Rejteltáviratok 1949-1964. Белград. Входящие. Телеграммы Золтана Сантао (. Szántó Zoltán) от 19 марта и 29 сентября 1947 г. (*Belgrád. Bejövő. Szántó Zoltán 1947. március 19-ei és szeptember 29-ei távirata.*)

уже в этом ключе с применением полного арсенала риторики холодной войны: с усилением коммунистов Венгрия уже *„достаточно сильна для того, чтобы противостоять планам тех западных кругов, которые открыто поддерживают и реанимируют фашизм, чтобы таким образом загнать европейские народы в колониальную тюрьму очень напоминающую пресловутый гитлеровский 'новый порядок'”*.¹⁸

Вопрос об установлении дипломатических отношений югославская сторона поднимала уже осенью 1945 года, однако они видели препятствия к этому в отчасти искусственно драматизированном культурном и образовательном положении югославов в Венгрии, а также *„чрезвычайно бюрократичной”* позиции, занятой Венгрией в вопросе о выдаче военных преступников.¹⁹ Министр иностранных дел Югославии Станойе Шимич 25 сентября 1946 года на мирных переговорах в Париже адресовал венгерскому правительству ноту, в которой заявлялось, что в связи с достижением принципиальных договоренностей по вопросам водного сообщения и перемещения населения, Югославия *„готова установить дипломатические отношения с Венгрией”*. Правительство сразу же обратилось в СКК, чтобы получить необходимое для установления отношений согласие. 4 октября начальник генштаба СКК майор Иван Иванович Левушкин сообщил министерству иностранных дел, что СКК *„не имеет возражений”* против восстановления дипломатических отношений между двумя странами, и вопрос был включен в повестку дня заседания совета министров.²⁰ В середине октября 1946 года, еще до подписания Венгрией мирного договора, началась техническая и политическая подготовительная работа по созданию венгерского посольства в Белграде (прежнее здание посольства было разрушено в ходе бомбежки). Первым послом в Белграде после войны был назначен вернувшийся из московской эмиграции и принадлежащий к ближнему окружению Ракоши коммунист Золтан Санто (Szántó Zoltán), который благодаря этому был желанным гостем в Белграде. Верительные грамоты он вручил президенту Союзной Республики Югославия Ивану Рибару 4 февраля 1947 года, за несколько дней до подписания парижского мирного договора.²¹

¹⁸ Borba, 1947. szeptember 4. ; MOL KÜM XIX-J-4-a-Belgrád TÜK - 79/biz.- 1947.

¹⁹ MOL KÜM J-1-k-16/c-32. 728/pol.-1945. 22.d.

²⁰ MOL KÜM XIX-J-1-k-1/a.-27845/pol.-1946. ; 2591/pol.-1946. ; 2681/pol.-1946. 1.d. Маршал Ворошилов до конца оставался председателем СКК в Венгрии, однако в феврале 1946 года он покинул страну, а его заместителем в ранге заместителя председателя стал генерал-лейтенант Свиридов.

²¹ MOL XIX-J-1-k-Jugoszlávia-1/a-1.d. Телеграмма Золтана Санто (Szántó Zoltán) от 4 февраля 1947 г. (Szántó Zoltán 1947. február 4-ei távirata.) Об установлении Венгрией дипломатических отношений после 1945 годв см. Vida István: Международное положение Венгрии в годы после Второй мировой войны. (Magyarország nemzetközi helyzete a második világháborút követő esztendőkbén.) In.: Место Венгрии в Европе XX века (Magyarország helye a 20. századi Európában.) Редактор: Sipos Balázs и Zeidler Miklós с участием Pritz Pál. Magyar Történelmi Társulat, Budapest, 2002. 107-121. Венгрия в период перемирия установила дипломатические отношения с 15 странами.

Выражая главный принцип отношений венгерской внешней политики к Югославии, Санто построил свою речь на дихотомии чувства вины и победного превосходства. Он говорил о *„возрожденной в героической освободительной войне под руководством маршала Тито“* Югославии и резко отмежевался от *„преступной политики чуждого венгерскому народу режима“*. Также было подчеркнуто, что *„возрождение Венгрии и борьба с фашистской реакцией“* позволило утвердить отношения между двумя странами на новом фундаменте. Тогда еще они не предполагали, на каком шатком грунте строится этот фундамент.